

XXIV музыкальный имени М. И. Глинки

ИСТОК ВДОХНОВЕНИЯ

Музыка Глинки всегда воспринималась даже самыми неискушенными слушателями как подлинно русская. И это неудивительно. Достаточно познакомиться с его операми «Иван Сусанин» или «Руслан и Людмила», с «Камаринской» или «Симфонией на две русские темы», с его многими камерными сочинениями, чтобы сразу же услышать в них русскую музыкальную речь, ощутить органическую связь с родной народно-песенной культурой.

Каким же образом Глинка сумел так глубоко познать существо русской народной песни? Где истоки его тяготения к народности?

Известно, что Глинка родился и провел свое детство на Смоленщине, в деревне, в имении своего отца Новоспасское. Обстановка, в которой рос будущий композитор, оказалась для него в высшей степени благоприятной, так как она давала ему возможность постоянно соприкасаться с русским песенничеством и постигать народные песни не только в инструментальном воплощении, но и непосредственно в пении крестьян, в их первозданной

красоте. В результате этого натура его смогла по словам В. В. Стасова, принять в себя «все те элементы народности, которые... и образовали впоследствии главные черты артистической физиономии Глинки». Вспоминая много лет спустя свои ранние впечатления от слушания русских народных песен, Глинка писал: «И может быть эти песни, слышанные мною в ребчестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

Эту страсть к родному фольклору Глинка пронес через всю свою жизнь. И ни пристрастное изучение творчества великих мастеров Запада, ни длительное пребывание за границей не могли заглушить в нем русского художника. Показательно, что, находясь в начале 30-х годов в Италии, Глинка вопреки тому, что его окружало, упорно вынашивал идею создания национальной оперы, в которой и сюжет, и музыка должны были быть обязательно русскими. А, оказавшись зимой 1833—34 года в Берлине, он, не дожидаясь возвращения в

Россию, принялся за сочинения, целиком пронизанные русской песенностью (Каприччио и Симфония на русские темы).

Но особенного проникновения в природу русской народной песни Глинка достиг в последующем творчестве и, прежде всего, в опере «Иван Сусанин». Одним из главных достижений композитора здесь было то, что, почти не прибегая к подлинным народным мелодиям, он сумел создать музыку, которая по духу и образному строю была абсолютно русской, раскрывающей все своеобразие русского характера, ситуации и самого хода драматического действия. Такого слияния с интонационным языком народной песни ни в одной опере до Глинки еще не было. Недаром известный музыкальный критик В. Ф. Одоевский сразу же после премьеры «Ивана Сусанина» в восторге писал: «С этой оперою начинается новый период в искусстве, период русской музыки».

Аналогичные восторги вызвала у передовых деятелей того времени и вторая опера Глинки «Руслан и Людмила».

Ее музыка также воскрешала в сознании слушателей образы русских героев, только на этот раз не подлинных исторических личностей, а сказочных богатырей, столь характерных для многих эпических сказаний русского народа.

Шесть лет спустя после окончания «Руслана», в 1848 году, Глинка создал, вероятно, самое «русское» из всех своих сочинений — «Камаринскую». Такое ощущение возникало не только потому, что композитор использовал в ней две подлинные народные песни — свадебную и плясавую. Важнее было то, что в этой пьесе был найден ключ к симфонической разработке русского народно-песенного тематизма с опорой на столь характерный для него принцип вариационности. Пользуясь им, Глинка создал средствами симфонического оркестра яркую картину народной жизни и проявил такое чувство стиля и мастерство, что это стало эталоном для всех последующих русских композиторов. Именно так воспринял «Камаринскую» Чайковский, считавший, что в ней, как дуб в желуде, заложена вся русская симфоническая школа.

Несомненно, что исходным пунктом в познании Глинкой природы русской народной песни была его родная Смоленщина с ее богатейшим фольклором. Однако он не ограничивался этим и знакомая при каждом удобном случае с новыми образцами народной музыки, сумел впитать в себя закономерности общенационального народного творчества и на этой основе выработать свой неповторимый глубоко русский музыкальный язык.

Это не помешало Глинке остро чувствовать национальные культуры и других народов и в зависимости от творческих задач проникать в существо фольклора многого типа. Его замечательные Испанские увертюры, «Пленительный восток», гениально запечатленный в опере «Руслан и Людмила», свидетельствуют о необычно широких интернациональных интересах Глинки-музыканта и о его чутком подходе к передаче своеобразия музыки различных народов.

В дни фестиваля имени Глинки хочется еще раз склонить голову перед памятью великого русского композитора, так много сделавшего для расцвета отечественной музыки и утверждения принципа народности, который в наши дни стал одним из основополагающих принципов для всей нашей советской многонациональной музыкальной культуры.

Г. САЛЬНИКОВ,
композитор.